

АЛЕКСАНДР БРЫКСЕНКОВ
АНДРЕЙ БРЫКСЕНКОВ

Моряк солёны уши

ПЕРМСКИЙ ЭТАП

Александр Брыксенков

Моряк солёны уши. Пермский этап

«Издательские решения»

Брыксенков А.

Моряк солёны уши. Пермский этап / А. Брыксенков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939972-4

О Перми и её жителях пишут мало. Сами же пермяки рекламированием своего города занимаются слабо. А, жаль. Поскольку Пермь — оригинальный город и в культурном, и в национальном, и в промышленном отношениях. Авторы, прожившие в Перми пятнадцать лет и впитавшие в себя дух этого города, изложили в данной книге свои впечатления о городе и его гражданах и, особенно, о замечательном высшем военном училище, которое готовило кадры для Ракетных войск. Читайте! Не пожалеете.

ISBN 978-5-44-939972-4

© Брыксенков А.
© Издательские решения

Содержание

Моряк солёны уши	6
Семья – это вещь!	10
Восьмой угол	12
Филумена Мартурано	15
мундир адмирала	19
1. ЧТО —ТО ЗАКОПАЛИ	19
2. КОЕ ЧТО НАШЛОСЬ	22
КОЕ-ЧТО НЕ ПРОПАЛО	27
Фридрих Маркс	31
молибденовый шарик	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Моряк солёны уши Пермский этап

**Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков**

© Александр Брыксенков, 2018

© Андрей Брыксенков, 2018

ISBN 978-5-4493-9972-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моряк солёны уши

Бульвар Комсомольского проспекта

Пермь давала Родине все: пушки, телефоны, кабель, ракетное топливо, авиационные двигатели, миномёты, лесоматериалы, бумагу, самоходки, велосипеды, жидкостные ракетные двигатели, нефтепродукты, электроэнергию, машины залпового огня, оборудование для газо и нефтедобычи, твердотопливные ракетные двигатели, электроинструмент и еще много чего по мелочи типа бриллиантов.

Родина же не давала Перми ничего, то есть что-то может быть и давала, но этого было не видно. Фирменный магазин «Мясо» на Комсомольском был закрыт: ни мясо, ни мясопродукты давно не поступали в продажу, хотя громадный Мясокомбинат работал непрерывно. Из его ворот постоянно выезжали рефрижераторные поезда, увозя в неизвестность, в какую-то прожорливую прорву качественное пермское мясо. С молоком тоже были проблемы. Только дети регулярно получали молоко и творожок на детских кухнях.

Но зато дорогой Никита Сергеевич показал Америке «кузькину мать».

В гастрономах стояли ряды бутылей с соком и с минеральной водой, имелась квашенная капуста, на лотках лежала тощая селедка. Ни сыра, ни колбасы, ни мясных консервов, ни молочных продуктов.

Но зато в космос полетел Юрий Гагарин.

Народ питался, в основном, в столовых и с базара. Цены на базарах были кусачими. Если магазинная цена мяса составляла 2—3 рубля за килограмм, то рыночная – от 6 до 8 рублей. Такая же градация была и с молоком и молочными продуктами.

Но зато водки было – залейся.

Народ не роптал. Пермьяки сами по себе – народ крученный-верченый, а вновь прибывающий контингент – тем более. На севере Пермской области было изобилие исправительных лагерей. Зеки, отмотавшие срок, добирались до Перми, пропивали все, что можно было пропить и оседали в заводских общежитиях. Так что таких хватов скудностью магазинных полок не обескуражишь.

Но вдруг в магазинах закончилась водка. О! Это уже серьезно. На заводах дело до забастовок не дошло, но началось демонстративное манкирование работой. Недовольство нарас-

тало. Пермское руководство срочно организовало из Свердловска целый железнодорожный состав с зельем.

И все, и полный покой. И мирные дымки над утонувшей в снегах Пермью.

Поезд Москва-Свердловск рано утром прибыл на станцию Пермь-2. Проводница предупредила выходящих пассажиров, что температура в Перми минус тридцать восемь, и все-таки Алексей Барсуков от неожиданности слегка задохнулся сухим, колючим воздухом.

На улице еще было темно. Алексей быстро прошел в здание вокзала, где было не на много теплее, чем на улице. Он увидел милиционера и обратился к нему с вопросом:

– Скажите как мне добраться до центра?

– На трамвае.

– А, на каком номере?

– Здесь один номер ходит. Так что не промахнетесь.

Трамвайное кольцо располагалось на площади перед вокзалом, поэтому Алексей не стал выходить наружу, а пристроился возле выходной двери, изредка выглядывая на улицу. Минут через пятнадцать из темноты выполз трамвай, весь в инее и в снегу. Публика потянулась из вокзала на посадку. Потянулся и Алексей.

В вагоне он попросил кондукторшу предупредить его, когда трамвай достигнет центра. Он не стал садиться на пронизанные морозом деревянные сиденья, а пристроился на площадке. Продув в заледенелом окошке круглую дырочку, Барсуков стал рассматривать проплывающие мимо городские пейзажи.

То, что он видел, городскими пейзажами назвать, конечно, было нельзя. От остановки до остановки тянулись вдоль слабо освещенной улицы занесенные снегом чуть ли не до крыш деревенские избы. Уже проехали пять остановок, а избы все не кончались.

«Ничего себе пригород, – подумал Алексей, – каков же будет город?»

На шестой остановке кондукторша обратилась к нему: «Вам выходить. Комсомольский проспект».

Барсуков вышел и оказался на широкой, ярко освещенной улице. По обе стороны стояли красивые дома в сталинском стиле. Посреди улицы тянулся великолепный бульвар. Он был весь оснеженный и заиндевевший. Уже рассветало. По проспекту спешил на работу трудовой люд.

Барсукову нужно было добраться до Пермского высшего командно-инженерного училища (ПВКИУ), которое совсем недавно приступило к подготовке инженеров-ракетчиков. Училище оказалось совсем рядом, через две улицы и занимало целый квартал. Алексей прошел внутрь через главный вход и представился дежурному по училищу.

Так начался новый виток в его жизни. Виток совершенно неожиданный и ничем не оправданный. Это он думал, что виток не оправданный. Начальство же думала по-другому.

В ракетных войска ощутилась острая нехватка инженеров. А на флоте их было много. Тут-то и решили умные головушки перевести часть флотских инженеров в ракетные войска. Барсукова перевели преподавателем в Пермское высшее командно-инженерное училище, которое готовило инженеров-ракетчиков. Вот он и считал этот шаг не оправданным, так как никаких преподавательских навыков у него не было.

Проделав в училище все необходимые формальные процедуры и получив место в офицерском общежитии, Барсуков решил прогуляться по городу и перекусить. Долго гулять не было никакой возможности. Мороз неприятно ощущался всей спиной, мерзли руки и ноги. Уши и нос приходилось постоянно растирать.

«Да, – подумал Алексей, – это не Севастополь!»

Фланируя по Комсомольскому проспекту он ради обогрева зашел в попавшийся ему на пути гастроном. Зашел и поразился скудности его прилавков.

– Это только в вашем магазине такой бедный ассортимент? – спросил он одну из продавщиц.

Продавщица, с интересом разглядывая редкого в Перми флотского офицера, спокойно ответила:

– У нас везде так.

– Как же вы живете?

– Вот так и живем.

«Ничего себе! Чем же я семью буду кормить?», – подумал Алексей.

Выйдя из магазина, он увидел через дорогу неоновый призыв «Кафе Космос». Несмотря на раннее время, народу в кафе было много. Из-за холода в помещении люди пальто и куртки не снимали. Барсуков приткнулся к одному из столиков.

Из горячих блюд с утра предлагались пирожки и сосиски. Это его вполне устраивало. Дополнительно к ним он заказал бутерброды с лососем, кофе и коньяк.

Тревожно ощупав уши, которые все-таки подмерзли, он поднял рюмку с коньяком и сам себя поздравил:

«С прибытием вас, Алексей Георгиевич в благословенный Пермский край!».

Барсуков ерничал, полагая, что Пермь – это эпизод, что он вскоре покинет это чудный город, но оказалось: Пермь – это надолго.

Прошли десятилетия. Пермь сильно изменилась. Исчезли деревянные халупы. На их месте вознеслись многоэтажные здания. Были построены развлекательные центры, театры и даже органнй зал. Возникли новые площади, улицы. Город украсили красивые памятники, забавные скульптуры.

Всё здорово изменилось, но традиционно в кастрюлях пермских хозяек редко появляется мясо. И не потому, что его нет в магазинах, а потому, что оно даже зажиточному пермскому мужику стало теперь не по карману, хотя на водку денег традиционно хватает.

Семья – это вещь!

Моряки в Перми

Когда Барсуков, служивший в Севастополе, получил назначение в Пермь, он не обрадовался. В его сознании сразу же всплыли воспоминания о своём военном, пермском детстве, проведённом в селе Климиха. Вспомнились тихие, розовые сорокоградусные морозы, волчьи стаи в заснеженной степи (детям запрещалось выходить за околицу села), хлеб с полынной горчинкой, чёкающие колхозники, жёсткие черёмуховые шаньги.

«Конечно, – успокаивал себя Барсуков, – Пермь – все же город, и жизнь в нём не такая суровая как на селе, да и время же не военное». Действительно, Пермь оказалась не селом, а очень, очень большой деревней, практически с одной приличной улицей, застроенной каменными зданиями. Вся остальная одноэтажная застройка города тонула в глубоких снегах (Барсуков прибыл в Пермь зимой).

И в продовольственных магазинах наблюдалась не севастопольское изобилие, а скудность деревенской лавки. С молоком и молочными продуктами, с мясом и мясными продуктами существовали серьёзные проблемы. Зато вкусенных шоколадных конфет Пермской кондитерской фабрики было навалом.

На первый случай Барсуков поселился в офицерском общежитии, где проживали молодые офицеры-холостяки. Кроме Барсукова в Пермское училище прибыли ещё несколько офицеров-черноморцев. Но они в общежитие не обитали, устроившись в частном секторе.

Командование училища комфортом молодняк не баловало. Общежитие представляло собой бывшую лекционную аудиторию, в которой было установлено 15 металлических коек.

Однако юных лейтенантов, ещё не отвыкших от казармы, такое спартанство не угнетало. Тем более, что в общежитии они практически и не обитали. С утра до вечера служба, а вечером юность утекала в город в поисках романтических приключений. В общежитии появлялись лейтенантки лишь глубокой ночью или вообще под утро. Все заметно поддатые, всё еще на остывшие от недавнего общения с женщиной.

Прибыв в своё коллективное логово, они начинали громко, невзирая на уже спящих товарищей, делиться впечатлениями от пережитого. Кстати, спящих товарищей громкие беседы не беспокоили. Их мог разбудить только сигнал боевой тревоги.

А вот капитан-лейтенант Барсуков в этом случае всегда просыпался и засыпал вновь лишь после того, как братва успокаивалась. За период своего бдения он наслушивался ворох разных историй, событий, курьёзов с сексуальной подоплёкой типа:

– Наши девахи ушли на работу. А нас с Колькой будить не стали: пусть мальчишки отдохнут. Мы проснулись: приспичило по нужде. А дверь комнаты заперта на ключ. Что делать? Мы достали глубокую тарелку и использовали её в качестве ночной вазы, выливая содержимое за окно...

– Употребив сто пятьдесят, позвонил я тут одной. Пришёл, а она бутылку выставила. Перебрал, отключился. Очнулся голый на кровати. Она сидит у меня между ног и член во рту держит. Держит и зубками прижимает. Испугался: откусит к чертовой матери. Как рявкну: «Стоять!!!» С ней обморок...

– Снял в «Каме» чудачку. Симпатыга, но уже не молодая, лет под тридцать. Пришли, разделись, а она и говорит: «Делай со мной, что хочешь, но внутрь (на манду показывает) ни-ни: больно и спазм может случиться». Ну и стал я экспериментировать...

Дальше шло живописание экспериментов.

Такие ночные сеансы Барсукову очень не понравились. Да и лейтенанты стали посматривать на него с подозрением: все люди как люди, а этот спит ночами наподобие евнуха.

Через три дня он снял комнату в частном секторе. Избавившись от общества активных лейтенантов, Барсуков покоя не нашёл. На него положила глаз хозяйская дочка.

Женщины, не оставляйте своих мужей одних на долгое время. Их обязательно захоронит какая-нибудь краля. Как сказал о девках Трушкин: «Такая зараза. Проникает всюду. Как моль. Нету, нету, ахватишься: уже без шапки. без порток...»

Мужик же слаб. Его приласкай – он и растает. Вот и Барсуков. Вскоре хозяйская дочь оказалась в его постели, а мамаша стала рассуждать о богатом приданом своей дочери, о том какая она хорошая хозяйка. Какая добрая и ласковая.

Через месяц Барсуков понял, что пора рубить швартовы, а то охомушают. В Севастополь полетела телеграмма: «Быстро закругляйтесь и приезжайте в Пермь. Жду нетерпением».

Барсуков съехал с частной квартиры, выбил в хозчасти комнату в коммуналке и стал её обустривать. За ремонтом комнаты, за покупкой мебели время пролетело быстро.

И вот она долгожданная телеграмма из Севастополя. И Барсуков засуетился, захлопотал в ожидании встречи с женой и сыном.

Всё-таки баловство оно и есть баловство, а семья – это вещь!

Восьмой угол

Раньше в этом доме был бордель. Не во всем, конечно, доме. Дом очень большой. Совершенно не типичный для старой, в основном деревянной, Перми. Он имел в плане форму буквы П и четыре этажа с высокими потолками.

Помимо пикантного заведения в доме располагались различные торговые конторы, мастерские, многочисленные лавки, хлебопекарня. На первом этаже функционировало питейное заведение. После революции дом очистили от всего чуждого пролетариату и заселили трудовыми семьями.

В комнатках, в которых прежде девочки принимали своих клиентов, стал проживать обслуживающий персонал (официантки, рабочие, сторожа, лаборантки, повара, уборщицы, библиотекари и т.п.) открывшегося в 1938 году Молотовского морского авиационно-технического училища, а затем (на его базе) и Пермского высшего командно-инженерного училища.

Каждая комнатка имела 1—2 окна, выходивших на оживленную улицу. Двери комнат открывались в длинный коридор с окнами на двор.

В конце коридора размещалось два больших туалета. Что-то с вентиляцией в туалетах было не то. Их атмосфера постоянно вторгалась в коридорные пространства.

Вдоль коридора были установлены газовые плиты, на которых готовилась еда. Запахи щей, лука, жареной рыбы неизменно витали в воздухе и проникали в комнаты. Возле плит стояли кухонные столы, за ними жильцы этой хламиды, обычно, принимали пищу. Здесь же устраивались пирушки по-соседски.

Народ пирушки любил и учинял их довольно часто. Кутили водку особо не привечали, налегая в большей степени на бражку, которую готовили по сохранившимся в памяти народным рецептам. Пойло было еще то! Аж на лестнице разило, а уж про коридор и говорить нечего. Под ногами путались дети, шныряли крысы, в комнатах по щелям в стенах сидели злющие клопы.

Вот такое жилищное чудо, которое в обиходе называли «Восьмым углом», реально существовало в центре Перми. Если сравнивать его с «Вороньей слободкой», то еще не ясно, чей козырь будет старше.

Кленовые листья лениво планировали на подернутую инеем траву. С Камы тянуло прохладой. В это чистое, осеннее утро Барсуков отправился в аэропорт, чтобы встретить жену и сына.

Для временного пристанища (пока не достроят новый дом) Барсукову выделили пустовавшую комнату в Восьмом углу. К прибытию жены он купил кровать, диван, стол, стулья и еще кое-что по мелочи.

Барсуков очень опасался, что экстравагантность Восьмого угла шокирует жену. Он всячески подготавливал её к встрече и с самим углом и с его обитателями. Да видно в своих стараниях пересаливал. Жена слушала, слушала его и наконец прервала:

– Ну, что ты суетишься. Что я трущёб не видала. Ничего страшного. Перебьемся.

– Но там и крысы есть.

– Крысы – это грызуны. Типа зайцев. Причем очень умные каналы.

О наличии у жены такой грани, как непринужденное общение с ущербными, как он считал, людьми, Барсуков даже не подозревал. А такая грань имелась. Тамара быстро нашла общий язык почти со всеми жильцами Восьмого угла. Часто с ними болтала. Они отвечали взаимностью и даже угощали её бражкой.

Барсуков удивлялся:

– Ну, что ты в них находишь?

– О, Леша, это очень оригинальные люди.

– В чем же проявляется их оригинальность?

– Ну, например, Нина, дочь дяди Васи. Натуральная колдунья. Тонкие черты лица, один глаз серый, другой зеленый, льняные локоны. Когда она примет полстакана и начнет декламировать Цветаеву, то ты начинаешь, наконец, понимать эту поэтессу.

– Откуда она Цветаеву-то знает?

– Нина училась в Университете на филфаке. Но не доучилась. Бурный роман с Костей, сыном профессора. Скандал. Костя ушел с ней. Сейчас, конечно, спивается, но это другой разговор.

– Что и Лиза Кантор тоже оригиналка?

– Еще какая! Она у себя в комнате крыс дрессирует.

– Крыс!?

– Да, я видала. Это очень уморительно. Они её слушаются.

– А, Клава с Марусей?

– Здесь вообще коллизия. Клава только внешне женщина. На самом деле у неё между ног такое болтается, любой мужик позавидует.

Барсуков был очень удивлен полученной информацией. Чтобы передохнуть, он нацедил в стакан холодного чая и стал его прихлебывать с шоколадкой, ожидая дальнейших сенсаций:

– Ну в Ленке-то Заниной ничего такого нет.

– Ты что! Здесь настоящая магия. Мужчины к ней липнут – не оторвешь. А один её хахаль обязательно приходит с подарком. Он достает из кармана и преподносит ей кусок дефицитного мяса. До такого даже Шекспир не додумался бы.

– А откуда он мясо-то берет.

– С мясокомбината. Он там работает.

– Что ты еще поведаешь?

– Много чего могу поведать. Знаешь ли ты, что наша соскдка Вера убила своего мужа и ей ничего не было?

– Ну ты какие-то страсти начала рассказывать. Наверное, хватит на сегодня.

Через три месяца Барсуковы получили двухкомнатную квартиру в новом доме и с помощью жильцов Восьмого угла переехали на новое место жительства.

Тамара, прожив на новом месте месяц, другой, смеялась: «Дожили! Поговорить не с кем. Пойти, что ли в Восьмой угол, да поболтать с интересными людьми».

Филумена Мартурано

Пермский драматический театр (нуне Театр юного зрителя)

Утром перед дежурным по училищу нарисовались два гражданина божественной наружности. Один был в берете и при бабочке, другой, лохматый носил большие темные очки, его шея была повязана цветастым платком. Они представились.

Тот, что при бабочке, оказался директором Пермского драматического театра, его спутник – секретарем партбюро. Они хотели встретиться с начальником училища.

– С какой целью? – спросил дежурный.

– Нам нужно побеседовать, – ответил секретарь.

– На какую тему?

– Это конфиденс, молодой человек, – замутил директор.

Дежурный снял трубку:

– Товарищ генерал, докладывает дежурный по училищу майор Митрофанов. Прибыли два представителя драмтеатра, они просят принять их... Сказали, что конфиденс... Есть!

Дежурный обратился к рассыльному:

– Проводите товарищей в кабинет генерала.

Минут через десять визитеры вышли от генерала и покинули училище.

«Что это за попугаи были?» – интересовался народ.

Дежурный отвечал.

– А, чего они приходили?

– Наверное, насчет распределения билетов среди курсантов. Театр-то плохо посещается.

Но дело оказалось более серьезным. Сразу же после убийства театральных деятелей генерал вызвал начальника строевой части. Выйдя из генеральского кабинета, тот отыскал капитана Барсукова, и они вместе, прихватив с собой еще одного офицера, куда-то уехали.

Накануне вечером капитан Сомов готовился к заступлению в гарнизонный наряд. Он натянул бриджи, влез в сапоги, нацепил португепю с кобурой. Затем зашел в оружейку и получил пистолет с патронами. После чего, полностью готовый к несению службы, он отправился пешком, н-е-е-т, не в комендатуру. А, отправился он в драматический театр.

Отправился Сомов в театр не драму смотреть, а по личному делу. В драмтеатре лицедействовала его жена. На ролях второго плана. Несмотря на свой невысокий статус, она гордилась званием акрисы, она бесконечно обожала мир театра и большую часть времени проводила в его стенах.

Квартира и дети пребывали в заброшенном состоянии. Её вечерами не бывало дома. А тут еще доброжелатели шепнули Сомову, что его жена крутит роман с режиссером. Вот капитан и решил разобраться в этом вопросе на месте. Он шел и бормотал: «Сейчас разберемся в этой филумене! Сейчас я устрою вам мартурану!». Его злой настрой возрастал по мере приближения к театру.

Труппа театра готовила к постановке пьесу итальянца Филиппо с красивым названием «Филумена Мартурано». Название красивое, а сюжет ходульный. Там Филумена дает направо и налево, рождает детей, а потом её мужик, дон Доменико разбирается, кто его сын, кто не его сын.

Сцена была занята ремонтом, поэтому репетиция шла в просторном фойе. Прогоняли первый акт. Жена Сомова играла жеманную Диану, молодую кокетку, имевшую виды на дону Доменико.

В разгар репетиции двери фойе растворились. В зал вошел Сомов и увидел, что его жена сидит на коленях какого-то мужика и тот её, не понарошку, не по-театральному, а с удовольствием, взасос, лобзает в алые уста.

Реакция капитана была мгновенной. Он вырвал пистолет из кобуры, передернул затвор и проанонсировал:

«Первый выстрел – предупредительный, второй – на поражение!».

Проанонсировал и бабахнул в потолок. Второго выстрела не потребовалось: артистов вмиг вымело из фойе. На руке с пистолетом повисла бледная Диана.

Сомов прорычал: «Даю пять минут. Переодеться, забрать свои вещи и вон отсюда! Жду на выходе!».

Уже через две минуты жена капитана вскочила на улицу. Сомов взял её за руку и потащил прочь от храма искусств, выговаривая на ходу:

«Дети обосранные, кухня загажена, жрать нечего, а эта долбаная актриса любовные пашни разводит. Впредь в театр ни шагу! Убью!»

На Комсомольском они расстались. Жена капитана поплелась домой, а Сомов – на службу.

Начальник строевого отдела, который прибыл в комендатуру, прежде всего разоружил Сомова, затем отстранил его от службы, заменив прихваченным с собой офицером.

Барсуков прямо в комендатуре приступил к выполнению своих обязанностей. Он год тому назад был назначен военным дознавателем. За это время никаких ЧП в училище не случилось, и вот на тебе – стрельба.

Работа дознавателя не сложная. Он должен собрать данные об обстоятельствах события для принятия начальником решения о возбуждении или не возбуждении уголовного дела.

Хотя генерал и не собирался возбуждать уголовного дела, но на всякий случай формальности нужно было соблюсти. На такое его решение повлиял утренний визит театральных деятелей.

Директор театра после сообщения генералу об инциденте в театре, предложил ему следующее: «Товарищ генерал, ни в наших, я думаю, и не в ваших интересах предавать этот случай огласке. Поэтому накажите как-нибудь по-своему вашего Ромео, ограничьте его доступ к оружию, и все, и забудем об этом неприятном событии».

Капитан Сомов в подробностях рассказал дознавателю о безалаберностях в своей семейной жизни, о том, что он никого убивать не собирался, что поскольку никакие уговоры и требования о прекращении актерской деятельности на жену не действовали, он решил свои требования подкрепить серьезным жестом.

Затем Барсуков отправился в театр. Установив, что никто не пострадал, он занялся опросом очевидцев происшествия. О! он здесь такого наслушался о режиссере и о его любовницах, что засимпатизировал Сомову.

Провожая Барсукова, директор указал на след от пули на потолке и спросил дознавателя:

– У нас идет ремонт. Можно мы замажем эту дырку? Она вам больше не нужна?

– Нет, на нужна. А дырку я, на вашем месте, оставил бы незамазанной. В назидание разным шалунам.

По результатам дознания генерал принял решение не возбуждать уголовного дела. Сомов был арестован на пять суток с содержанием на гарнизонной гауптвахте.

Пистолетный выстрел оказался хорошим аргументом. Жена Сомова быстро перевоплотилась из распущенной Дианы в заботливую мать и примерную хозяйку.

мундир адмирала

1. ЧТО —ТО ЗАКОПАЛИ

Было утро. Чухонки-молочницы уже отгрели своими бидонами, но за окнами на Литейном все еще тархтели извозчики, развозя товары по лавкам. Напротив, через проспект грузчики шумно таскали ящики с хлебом в булочную братьев Кисиных. Татарин, с утра пораньше, уныло тянул во дворе: «Халат! Халат!». Трезвонили трамваи.

Аннушка боялась трамваев. Сколько живет в городе, а так и не привыкла. Боялась, но очень хотела прокатиться на этом гремящем чудище. Её разбирал интерес: куда это они едут? Долго бы путешествовала Аннушка, сядь она на двадцатый номер, который ходил по Литейному через весь город от Балтийского вокзала до Политехнического института и обратно.

Аннушка приготовила омлет и кофе. Барыня должна было вот-вот проснуться, но все не просыпалась. Вчера они с бариним приехали поздно. Вчера у неё был какой-то бенефис. А когда бенефис, то много цветов. Вот и теперь вся прихожая была заставлена корзинами с розами, хризантемами, георгинами, перевязанными широкими красными лентами.

Наконец, барыня в сиреновом пеньюаре появилась в прихожей. Она прошлась вдоль корзин, выживая записки и конверты, и распорядилась: «Аннушка, расставь розы в вазы, а остальные цветы вынеси на улицу, там люди разберут. Корзины отдай дворникам. А ленты собери да пошли в деревню, что-ли. Пусть девки порадуются».

«Ага. Девки. Обойдутся!», – думала Аннушка, укладывая свернутые в рулон ленты в свой сундучок. Деревню она не любила. Девки – тоже.

Аннушка родилась в Петербурге, но кто её родил она не знала. До двенадцати лет её домом был Городской сиротский приют. А в двенадцать лет её взяла на патронирование (считай в батрачки) зажиточная крестьянская семья из деревни Маковно, что в Новгородской губернии. По достижению совершеннолетия патрон выплатил Аннушке обусловленную договором сумму и выдал кой-какое приданое.

В деревне Аннушка познакомилась с Иваном, таким же сиротой, как и она сама. Вскоре они обвенчались, а тут не замедлил и первенец, сыночек Сашенька. Помыкавшись год другой по чужим углам молодожены поняли, что в деревне им ничего не светит и уехали в Петербург.

В городе Иван устроился дворником в доме на Литейном, а Аннушку взяла в горничные чета певцов, живших в том же доме. Жизнь в городе Аннушке очень нравилась. Чисто, сытно, красиво. Хозяев почти никогда не было дома. Аннушка, смахнув с мебели пыль, спускалась к себе в дворницкую и занималась с Сашенькой и с появившейся уже в Питере Тонюшкой.

Все было бы хорошо, но тут приключилась революция. Сначала все ходили радостные с красными бантами. Пели песни, махали флагами. Потом поскучнели, а еще потом Петроград накрыл голод, с его символической «осьмушкой».

Певцы уехали на юг. Аннушка осталась без работы. Иван перебивался случайными заработками. Сашенька терпел, а Тонюшка плакала и просила хлеба.

Николай, соседний дворник, приятель Ивана, собирался от такой жизни уехать на родину. На Урал. Он подбивал Ивана: «Поедем вместе. Там у нас хлеба: ешь, не хочу. У многих еще прошлогодние скирды не молочены. А здесь вы загнетесь.» Иван с Аннушкой совещались не долго. Другого выхода нет.

Как добирались до Перми – отдельная песня, но доехали. А уж там до Кунгура – рукой подать. В Кунгуре их ждали с двумя подводами родственники Николая. И потряслись питерцы по проселкам в деревню Глиниху.

Вдоль дороги с двух сторон тянулись заросли полыни. Дальше простирались поля и луга с редким включением групп деревьев. Осень уже вступила в свои права и насытила природу охрой и золотом. Было тепло и сухо, и запах полыни и степных трав наполнял воздух.

В Глиниху прибыли к вечеу. Питерцев поместили в пустовавшую избу. Деревню сразу же облетела весть: «Голодающие из Питера приехали». И жалостливые деревенские бабы понесли несчастным горожанам каравай хлеба, пироги, шаньги, творог, яйца, мед, сало. Да так много, что Аннушка не знала куда все это складывать. Позже мужики принесли мешки с мукой, картошкой, луком, миски с топленным салом, бутыль конопляного масла.

И все было бы хорошо, да только Колчак начал наступать на Кунгур. Презрев слезы Аннушки, Иван вступил в Красную армию и пошел бить колчаковцев. Да бил плохо, потому что в начале зимы белые появились в Глинихе.

Кто-то из доброжелателей шепнул поручику, что у питерских мужик ушел к красным. В избу ввалились четверо. Все пьяные.

– Говори, стерва. Где мужик?, – рявкнул старший.

– Не знаю, – пролепетала Аннушка.

– Знаешь, паскуда! Петро, пошукай, може оружие есть.

Петро заглянул под кровать, пошуровал в кладовке. Под конец он нагнулся и залез в сундук. Раздался вопль:

– Краснопузые!!! Большевики!!!

Петро распрямылся. В руках его были два больших рулона красных лент. Он бросил их в лицо Аннушки, схватил винтовку и направил штык на Сашеньку:

– Порешу отродье!!!

Аннушка кинулась плашмя на штык, отводя жало от сына:

– Коли меня!!!

Старший вмешался:

– Брось, Петро! Не погань штык. Сами сдохнут.

Из избы вынесли все. Даже подушки с одеялом. Остались питерские только с тем, что на них было надето. А на дворе морозище. Спасибо соседям: помогли с одёвкой и обувкой

Летом погнали белых от Перми. Поскольку, наступавшая с юга Красная Армия уже взяла Кунгур и перерезала железную дорогу, колчаковцы шли от Перми через Глиниху на Чусовую.

Весь день густо шла конница, тянулась пехота, тархтели повозки и фуры, лошади тащили пушки. К ночи движение затихло. На толоке засветились огонечки: белые разбили бивак.

Утром в Глиниху вошли красные. Это событие совпало с престольным праздником. Поэтому в церковь набилась уйма народу. Батюшка хотел было пообщаться с красными командирами, но те отрезали: «Религия – - опиум для народа».

Вскоре объявился и Иван. Он получил пулю в бедро и его отпустили домой, на поправку.

Мужики прошерстили толоку, подбирая после белых все, что сгодится в хозяйстве. По деревне поползли слухи, что колчаковцы что-то спрятали, закопали на толоке, хотя свежих копов в степи не было обнаружено. Да и то, что прятать военным? Золото, картины, драгоценности? Откуда они у них?

Кончилась гражданская заваруха и Иван с Аннушкой засобирались домой. Сначала они приехали на Маковно. Скарёдное опчество земли им не дало, а выделило участок леса в Шаховых ольхах. На последние гроши Иван нанял лесорубов. Они свалили лес и выкорчевали пни.

Лес пошел на избу, а весь лесной мусор Иван сжег. С трудом вспахали целину. Зато урожай возблагодарил за труды. Такого густого овса, такой высокой ржи маковские мужики прежде не видывали.

Но урожай год от года падали и наступило время, когда прокормится от своих трудов уже не получалось. А тут еще пошли разговоры о коллективизации.

Аннушка заперла избу и с вместе с ребятами уехала в Ленинград, где Иван уже нашел себе должность швейцара в красивом доме на улице Красных Зорь, рядом с Лопухинским садом.

Дети подрастали, а Тонюшка расцвела, как алый мак. Демобилизованный красноармеец Гоша Барсуков её вмиг захороводил и вскоре они расписались. Жилком выделил им комнату в коммунальной квартире. Вскоре у них родился сын, которого назвали Алексеем.

2. КОЕ ЧТО НАШЛОСЬ

Каждую весну, обычно в мае, Тоня Барсукова, со своей мамой и сыном Алешей выезжала на целое лето на Маковно, в свою избу. Вот и в эту теплую весну Гоша Барсуков, выстояв огромную очередь, купил им билеты на поезд «Максим Горький» до станции Бологое. «Максимом Горьким» народ называл удивительный поезд, который тащился от Ленинграда до Москвы целые сутки, делая остановки на всех станциях и полустанках. Зато билеты на него были исключительно дешевыми.

Посадка не этот поезд являла собой россиско-дикое зрелище. Такого сейчас не увидишь нигде. Поезд подавался рано утром к перрону, куда нынче приходят пригородные электрички. Посадка начиналась за полчаса до отправления поезда. До этого пассажиры и сопровождающие огромной толпой стояли перед закрытыми железным воротами со стороны Лиговки. В билетах указывался только номер вагона. Места не указывались. Поэтому, как только открывались ворота, толпа, сломя голову, неслась к своим вагонам занимать хорошие места. Несся и Гоша Барсуков.

Маковно – уникальная деревня. Она, вся в яблоневых садах, стояла на вершине большого холма, окруженная лесами, где ягоды и грибы не переводились до глубокой осени. Внизу бежала река, рядом плескалось озеро. И дали, голубые дали открывались прямо с деревенской улицы.

Жить бы в этом раю и радоваться. Но прискакал из сельсовета Вася-тракторист и проорал: «Война!!! Германец напал!!!». И рай рухнул.

Женщины решили, что нужно немедленно ехать в Ленинград. Но пришло письмо от Гоши, где он категорически запрещал приезжать в город.

Немцы взяли Новгород. Война вплотную придвинулась к Маковну. Встал вопрос об эвакуации. Эвакокомиссия разрешала эвакуированным выбирать любую из предложенных областей. У Анны Федоровны (бывшей Аннушки) сомнений не было. Ехать нужно только в Глиниху. Там народ добрый и хлеба много. Поэтому Тоня выбрала Молотовскую (ныне Пермскую) область, а конечную станцию – Кунгур, что и записали им в рейсовые карточки.

Рейсовая карточка это был такой документ в котором указывался пункт назначения. Одновременно она была и продуктовой карточкой, по которой на станциях выдавался хлеб и горячая пища.

Барсуков до сих пор удивляется как смогла страна в жуткий период своего существования обеспечить питанием сотни тысяч беженцев. Причем неплохим питанием. Так однажды на детей даже выдали шоколад. По такому поводу Лешенька сочинил стихи:

Утро надевает
голубой халат.
Мама покупает
к чаю шоколад.

Ехали, ехали в товарном вагоне и через пять дней приехали в Кунгур. В Кунгуре сказали: «Живите на вокзале и ждите оказии из Глинихи».

Через пару дней оказия состоялась. Эвакуированные погрузились в телегу и рыжая лошадка, управляемая грустным возничим повезла их по проселку мимо зарослей полыни во вожделенную Глиниху.

Руины церкви в Глинихе

После раскулачиваний пустых домов в деревне было много. В один из них и поселили приезжих. Никто, вопреки ожиданиям Анны Федоровны, ни пирогами, ни шаньгами их не угостил. Как оказалось, колхозники жили бедно. Хотя хлеба производилось не меньше, чем при царе, но доставались крестьянам крохи: все забирало государство.

Колхоз выдал Тоне, в счет отработки на полях, полмешка муки, два ведра картошки и половину конской головы. Тоню голова потрясла. А, Анна Федоровна сказала: «Нечего кричиться. Конина в здешних местах – первая пища». Она срезала с головы мягкие места и ступила их с картошкой, а из костей приготовила студень. Такого вкусного студня Леша никогда больше не едал.

Ленинградцы приехали в конце сентября. Впереди была суровая зима, а припасов никаких. Тоня с мамой прошарили все колхозные поля. Хотя урожай был уже убран, женщины все же насобирали порядочно и свеклы, и турнепса, и картошки. Капусту колхозники убрали всю, но на полях было много черных листьев. Их набрали несколько мешков. Листья порубили и заквасили на крошево в большой бочке. А еще навязали много рябиновых веников. Рябина была крупная и очень съедобная. Веники вывесили на чердаке.

Большим подспорьем было участие Тони в молотьебе. Колхоз им. Чапаева молотил зерновые всю зиму. Сначала пшеницу, затем рожь, ячмень, овес. Ближе к весне молотили горох.

Молотьяба шла на открытых токах, поэтому работницы надевали на себя массу теплой одежды, что способствовало хищению колхозного добра. К пальтухам, вместо карманов, были пришиты мешочки, которые женщины наполняли зерном перед концом смены. За такое полагось пять лет. Но бригадир делал вид, что ничего не видит.

По весне ленинградцы посадили большой огород, освоили картофельную плантацию и завели коз. Жизнь налаживалась.

Лешка пошел в школу. Школа располагалась на окраине. Напротив, через дорогу, возвышалась церковь с высокой колокольней. Она была пуста. Школьники играли в ней в хоронушки. Лешка по скрипучим лестницам забирался на колокольню и с восторгом озирали открывавшиеся дали.

Учиться было трудно. Отсутствовали тетради. Писали на газетах. Вместо чернил использовали марганцовку или сажу, растворенную на самогоне. На весь класс было не более двух учебников по каждому предмету.

После завершения учебного года ребятню не отпускали на каникулы. По весне детей отправляли на разбрасывание навоза, потом аж до середины лета школьники занимались прополкой овощных. Осенью их бросали на сбор колосков, а затем – на копку картошки.

Прошел год, затем – другой, начинался третий, а война все не кончалась. Немцев уже отбросили от Ленинграда и можно было бы ехать домой, но не было вызова, а без него не выдавались железнодорожные билеты. Лешин папа всюду хлопотал, чтобы выбить эти злосчастные вызовы.

Стояла жарница. Дети умаялись выдергивая колючие сорняки на свекольном поле. Наконец объявили перерыв. Все скопились в тени крохотной рожицы. Вскоре подъехала телега с котлом горошницы. Дети получили по миске варева и по куску хлеба.

К обедающим школьникам притащилась с ближней толоки рослая Нюрка. Она в прошлом году закончила школу, просидев в четвертом классе два года (пятого класса в школе не было). Теперь Нюрка пасла овец.

Она пришла невестить свою подружку. Девочки устроились за деревом и стали жарко шептаться. По другую сторону дерева сидел Лешка и все слышал. Нюшка делилась с подружкой впечатлениями от общения с Ванькой, парнишкой из соседней деревни, который приходил к ней на толоку: «...Ой, подруженька, это так баско. Слаще, чем морс...»

Лешка знал о каком морсе говорила Нюшка. Зимой в лавку привезли бочку клюквенного морса, густо подслащенного сахаринном. За кило картошки наливали большую кружку этого сладкого пойла. Деревня балдела.

Лешку заинтересовали Нюшкины секретки, и он решил подсмотреть, что там такое выделяет Ванька. В один из свободных дней Лешка прокрался от леса к отаре и залег в полыни. Ждать Ваньку долго не пришлось: вскоре его фигура замаячила меж холмов. Пар-

нишка принес в узелке что-то съедобное, наверное вареную картошку. Дети сели и стали есть. После трапезы Ванька начал баловаться с Нюшкой, а затем Нюшка встала и нагнулась, опершись руками о камень. Ванька зашел сзади и задрал юбку. Забелела тощая девочкина попка. А дальше стало происходить то, что Лешка наблюдал и у собак, и у овец, и у коров, то есть ничего интересного. Лешка вылез из полыни и направился на дальнюю толоку, где уже вызрела клубника. Он решил полакомиться душистыми ягодами.

Богаче всего ягоды покрывали кромки воронок, которыми была испещрена толока. Карстовые воронки разделялись на три вида. Дно одних заросло кустарником, в других стояла вода, образуя маленькое озерцо, в третьих на дне имелась черная дыра, уходившая под землю.

Карстовая воронка

Лешке все время хотелось узнать, куда ведут эти дыры, но протискиваться в черные норы боялся. И тут он напал на воронку, где большая нора уходила не вниз, а в сторону, причем вход позволял не ползти внутрь, а идти, правда, сильно согнувшись. Перед входом, как порог, лежал слоистый светлый камень. Таких камней на толоке было много. Они, как зубы чудовища группами вылезали из земли. Парни откалывали от них кусочки и вытачивали из них брошки для девок.

Лешка расхрабрился и полез в дыру. Широкий ход через несколько шагов делал резкий поворот и дальше стояла густая тьма. Лешка не решился испытывать судьбу и вылез из пещеры на белый свет.

На следующий день, с утра он снова пришел к пещере с большим пучком длинных лучин и с чакалкой. В деревне чакалкой называли комплект из кресала, сделанного из зуба сенокосилки, кремня и трута в металлической баночке. Чакалка заменяла собой спички, которых уже давно не видела деревня.

Добыв огонь и затеплив лучину, Лешка смело полез в пещеру. Долго идти ему не пришлось. За поворотом ход перекрывали деревянные ящики, на которых лежали большие кожаные мешки. Все это покрывала серая плесень сверх которой тянулись зеленые потеки. Держа в одной руке горящую лучину, Лешка другой рукой дернул верхний ящик. Истлевшая доска легко распалась и он увидел, что ящик набит разными женскими украшениями. Поняв, что одной рукой здесь ничего не сделаешь, он надумал придти сюда завтра с Витькой, своим другом, тоже эвакуированным, но только из Великих Лук. Сунув в карман, вывалившийся из груды цапек красивый крестик, Лешка вылез из пещеры.

Но на завтра придти не получилось. Днем почтальонша принесла заказное письмо. Конверт содержал долгожданные вызовы. И все закрутилось в предотъездной суматохе.

Уже через два дня ленинградцы тронулись в путь. Лешка, сидя в телеге, бросил последний взгляд на исчезающую за бугром силосную башню. Все осталось позади: и Глиниха, и толока, и пещера с ящиками.

КОЕ-ЧТО НЕ ПРОПАЛО

Алексей Барсуков, уже на пенсии, занялся сочинительством. Он имел, что сказать, пройдя путь от беспризорника до старшего научного сотрудника. Замахнулся пенсионер сразу же на роман.

Через два года он свою писанину с трепетом отправил в одно солидное издательство, но не получил никакого ответа. Подобные же результаты приключились и в опытах с другими издательствами. Романист было скис, но вдруг подфартило. Через знакомых, на паритетных началах роман издали, правда, маленьким тиражом.

Дольше случилось такое, чего Барсуков не ожидал. Барсуковская книжка попала в руки Эдьки Шонса, его одноклассника по Высшему военно-морскому училищу. Вообще-то у Эдьки была фамилия Панчохин, но в училище его по фамилии никто не называл, а толкно Шонс да Шонс.

Он и в училище славился своей инициативностью и немножко плутовством. Понятно, что в море рыночных отношений эти его свойства раскрылись в полной мере. Он возглавлял неброскую, но очень солидную фирму, которая занималась торговлей антиквариатом. Клиентами фирмы являлись, в основном, иностранцы.

Шонс прочитал сочинение Барсукова и решил, что этот кадр как раз для него. Он предложил Алексею Георгиевичу сотрудничество. Барсуков согласился, но предупредил:

- Смотри, Шонс, только без плутовства, чтоб все по закону.
- А, как же! – дурашливо откликнулся Шонс и продолжил, уже серьезно.
- Запомни, Барсук, раз и навсегда: честного бизнеса не бывает.

И стал Барсуков доставлять через границу разные редкости зарубежным покупателям. На таможене работали Шонсовы люди поэтому вопросов с досмотром не возникало.

В России рынок антиквариата сужался. У Шонсовой фирмы стали возникать трудности. На этом фоне Барсуков как-то раз показал Шонсу крестик из карстовой пещеры. Шонс, увидев его, аж взвился:

- Это же редкость. Средневековый раритет. Флорентийская работа.

Барсуков уже стал немного разбираться в антиквариате, но тем не менее спросил:

- Что же в этом кресте ценного?

– Во-первых, чисто материальная ценность: резная серебряная подложка инкрустирована рубинами. Оконечности креста из черного дерева завершены изумрудами. И Христос – золотой. Затем, тонкая работа. Ну, и древность, конечно.

- И сколько эта штучка стоит?

– Много, но сразу трудно сказать сколько. Нужна экспертиза. А, где ты достал эту редкость?

– В Пермском крае, у деревни Глиниха в карстовой пещере, куда её спрятали отступавшие беляки.

И Барсуков рассказал Шонсу всю историю, связанную с находкой. Шонс возбудился и предложил организовать экспедицию в Пермский край. Барсуков согласился, но предположил, что из-за многолетней давности все могло прийти в негодность.

– Ничего. Золото и камушки не ржавеют.

Очень оперативно Шонс зарегистрировал контору по исследованию карстовых явлений в Пермском крае и получил необходимые разрешительные документы. Вскоре два фургона, груженные оборудованием и инструментам выехали из Петербурга и взяли курс на Урал.

До Кунгура доехали без происшествий. Отметились в районной администрации, оформили нужные бумаги и отправились в Глиниху. Деревня неприятно поразила Барсуева. Уменьшилось число изб. Закрылась школа. Детей стали возить на учебу в Орду. От церкви остался лишь угол сруба. А самое главное – запустели поля.

Нашли старосту. Предъявили документы. Староста, хитроватый мужичок с редкой бородкой, просмотрел документы, оглядел питерцев и изрек:

– Я знаю зачем вы приехали.

– Зачем?

– За колчаковским кладом.

– Почему вы так решили?

– Что я экспедиций не видел? Экспедиции не так оснащены.

– Предположим, вы правы. Ну и что?

– А, то, что вы опоздали. Там уже все выгребли. Я ходил, смотрел. Одно тряпье осталось.

– Может что-нибудь найдем.

– Попробуйте.

Когда вышли на карстовую воронку с пещерой, то сразу поняли, что староста был прав. На дне воронки валялись обломки досок, какой-то брезент, клочья бумаги.

И все-таки бывшие моряки приехали не зря. Они обнаружили и вывезли в Петербург очень много интересного:

– три завернутых в пергамент полковых знамени (в очень плохом состоянии),

– два полуистлевших морских мудира,

- 21 крест «За усердие»,
  - морской кортик,
  - попорченные плесенью церковные хоругви,
  - две подгнившие деревянные скульптуры каких-то святых,
  - кипу машинописных документов,
  - 8 Георгиевских крестов,
  - несколько небольших картин, скатанных в рулон
- и еще много чего по мелочи.

Грабители в спешке обронили и затоптали в грязь несколько уникальных ювелирных изделий, а питерцы их нашли.

Шонс, рассматривая перстень с изумрудом, ограненным в пятигранную пирамиду с бриллиантом на каждой грани, изрек: «Только ради одного этого уникама стоило ехать сюда».

Приехав в Питер, компаньоны рассортировали добычу. Ювелирные изделия и часть крестов они пустили в дело, а военные реликвии раздали по музеям. Так в Артиллерийский музей были переданы полковые знамена, часть крестов. В Военно-морской музей отдали морские мундиры и кортик. В Русский музей передали деревянные скульптуры, хоругви и картины. Музеи были очень благодарны и довольно быстро включили новые приобретения в свои экспозиции.

Однажды Барсуков заглянул в Военно-морской музей. К своему удивлению в одном из залов он увидел переданные музеем попорченные морские мундиры из карстовой пещеры. Они были тщательно отреставрированы и снабжены табличкой:

«Выходной и парадный мундиры адмирала А. В. Колчака.»
Перед мундирами лежал морской кортик.

Выйдя из музея, Барсуков пустился в мудрствования:

«У всех муз их поклонники и служители – вполне адекватные и даже талантливые личности. И только Клио не повезло. Во все времена, а в наше время особенно, историки – это несерьезные конъюнктурщики, подлаживающиеся под власть. Совсем недавно во всех учебниках, энциклопедиях, исторических монографиях Колчак – это лютей враг и изверг, заслужено получивший смертный приговор. Теперь же Колчак – крупный исследователь, ученый, герой Порт-Артура и Первой МВ, последовательный борец за идею.

Вот уже и шмоткам адмиральским нашлось место в музее. Да, что там шмотки. В Иркутске, где товарищ Блатлиндер расстрелял адмирала, поставили очень хороший памятник Александру Васильевичу Колчаку. И в Омске – тоже. Собираются ставить (или уже поставили) в Севастополе.

А исторические факультеты в университетах следует закрыть. История – это не наука. Пусть историей занимаются искренние любители и энтузиасты».

Может быть Барсуков был и не прав в своей скалозубщине, но факт остается фактом: простой торговец мехами сделал для истории больше, чем сотни докторов исторических наук.

Найденные в пещере цацки Шонс очень выгодно сплавил за границу. Барсуков пилил его за сданные в музей картины. Их тоже можно было бы успешно продать.

– Верно говорится: «Жадность фраера сгубила». Картины же засвеченные, с подписями авторов. В миг сгоришь».

Фридрих Маркс

Бывшие казармы ПВКИУ

Лешка Барсуков крепко дружил с Сашкой Ахламовым, с этим полу цыганом-полу хохлом, черноволосым весельчаком и заводилой. Они работали в одном цеху и в вечерней школе учились в одном классе. Однако, после окончания десятилетки их пути разошлись. Лешка пошел в военно-морские инженеры, а Ахламов поступил в Военно-морское политическое училище.

Хотя Барсуков и тянул Сашку в инженерное училище, тот ни в какую. «Ты, что, Леха, я ж не пробьюсь. У меня по математике и физике тройки. А, там знаешь какой конкурс, ого-го! В Политическое же берут – только приходи. Да и работа у политика не пыльная: поговорил немного и все, и море на замок.»

Друзья стали встречаться редко, но все же встречались. Однажды Ахламов попросил Лешку подарить ему ленточку с бескозырки.

– Зачем? У тебя же есть ленточка.

– Ты видишь, на ней написано «...политическое училище».

– Ну, и что?

– Как какая деваха увидит эту надпись, так и отваливает.

– А, почему?

– Леха, в училище такой народ собрался, что я, троечник, по сравнению с ним просто светило. Девчонкам с ними скучно и вообще... политика.

Барсуков, общаясь на флоте с политиками, часто вспоминал эту беседу. Очевидно, во всех политических училищах контингент был подобен тому, в котором вращался Ахламов. Наверное, поэтому выпускники политических училищ не блистали ни образованностью, ни воспитанием, ни интеллектом и не пользовались авторитетом на флоте. Матросы кликали их пассажирами. Да и справедливо. Дежурств они не несли, вахт не стояли, к пушкам по тревогам не бегали и даже слово Партии, когда корабль находился в море, не несли в массы, поскольку массы были заняты на боевых постах.

Впоследствии Барсуков убедился, что в сухопутных войсках с этим вопросом, то есть с компетенцией, образованностью, авторитетом политиков дело обстояло не лучше, чем на флоте.

Пермяки обычно держали окна закрытыми. То с Нефтеперегонного углеводородами понесет, то с Мотовилихи развернется на город кислый «лисий хвост». И сегодня пахло не сиренью. Причем, сильно пахло.

Несмотря на амбре, окна на втором этаже, в квартире, где проживала семья подполковника Гришина, были распахнуты настежь Из окон летели на улицу подушки, посуда, табуретки.

«Какой-то тарарам!», – подумал Барсуков, подходя к дому.

– Что там происходит? – спросил Барсуков у женщины, заинтересованно глазевшей на это извержение.

– Гришины отношения выясняют.

Подполковник Гришин состоял на кафедре марксизма-ленинизма и преподавал курсантам Историю КПСС. Он еще не был кандидатом исторических наук, но к этому стремился. Им уже было почти закончено написание диссертации на очень актуальную тему: «Обобщение и развитие методик организации социалистического соревнования в ракетных частях Уральского военного округа».

Человек Гришин был хороший: прямой (в пределах возможного), честный (в пределах дозволенного). Он даже иногда высказывал сомнения относительно некоторых решений Партии и Правительства. А, это официально не поощрялось, а наоборот – решительно пресекалось. Решения Партии считались истиной в последней инстанции.

Чтобы офицеры не забывали об этом, они должны были (с подачи Главпура) иметь две тетради. В одну тетрадь необходимо было заносить мудрые решения Партии и конспекты речей очередного Генсека, а в другой конспектировать классиков.

«Фридриха Маркса и Карла Энгельса», – каламбурил Барсуков. Партийные органы внимательно следили за тем, чтобы офицеры тщательно вели записи в этих чертовых тетрадях.

Благодаря напористым стараниям политиков, офицеры были очень антиполитизированы. Ко многим идеологическим святыням они относились со скепсисом, над многими иронизировали, а над тезисом о скором построении коммунизма (к 1982 году) просто издевались.

Издевайся не издевайся, а на политических семинарах присутствовать нужно. Как-то на одном из таких сборищ при очередном обсуждении очередной антисталинской статьи у одного из офицеров возник вопрос: «А, кто был Генсеком до Сталина?»

Оказалось, что ответа на этот вопрос никто не знает. Появился интерес. Открыли учебник по истории партии. Это – такой массивный кирпич. Скучный, прескучный. А там ни гу-гу. Решили справиться у главного авторитета по этому вопросу, у преподавателя Истории КПСС подполковника Гришина.

Гришин, выслушав вопрос, смешался, нахмурил брови, задумался, а затем с неохотой сознался: «Не знаю. Наверное кто-то из оппозиции, поэтому фамилию его не упоминают нигде».

Народ опешил: если уж специалист по истории партии этого не знает, кто же тогда знает?

Конечно, люди дознались до истины и с удовольствием поизголялись над профанством политика и преподавателя. Гришин оказался совестливым человеком. Он был настолько обескуражен своим промахом, что пошел в ресторан и напился. Когда он пьяный и хмурый закатился домой, жена и устроила ему тарарам.

Гришин ушел из семьи и поселился в общежитие. Вскоре он подал рапорт на демобилизацию. Его отпустили с миром и он устроился на Моторный завод помощником товароведа.

Гришин корешился с Барсуковым. Однажды они сидели в кафе и перетирали местные новости.

– Слышал, Георгич, к нам приезжает Светланов с оркестром. Сходим приобщимся, – предложил Гришин.

– А, что он привозит?

– Шестую симфонию Чайковского.

– Можно и сходить. Тем более, что мои на дачу уехали. Кстати, гражданин Гришин, с коих это пор вы стали классикой интересоваться?

– С тех пор как ушел из армии и освободился от этой занудной политики. Знаешь, Георгич, совсем другая жизнь началась. Нужно было раньше уходить. А, эти тупые политики доведут страну до ручки. Доведут, доведут. Вот увидишь.

Спустя годы, Барсуков удивлялся: ну и Гришин! Как в воду смотрел. Довели таки до ручки. Хотя чему удивляться. Эти «тупые политики» (в смысле генсеки разные) были далеко не Сталины. Даже очень далеко.

Сталин был образованным человеком. Он получил высшее образование (семинария в царской России приравнивалась к ВУЗу).

Интеллект Сталина был достаточно высок. Он даже сочинял стихи. Знал латынь и греческий. Был знаком как с западной, так и с русской литературой.

Сталин был умён. Он на равных общался с академиками, писателями. Он написал много работ на различные (в основном на политические) темы.

Кроме того Сталин – это мудрый политик, могучий государственный и при всём том абсолютный бессеребренник.

А Никита? Образование – два класса церковно-приходской школы. Интеллект на уровне пастуха свиней, что проявилось при стучании ботиком по трибуне перед всем миром. Ум? Ну

какой может быть ум у человека, объявившего о том, что к 1980 году в СССР будет построен коммунизм.

Да и другие, что после Никиты. Тоже не ахти. А Гобача и ЕБН вообще следовало бы посадить на скамью подсудимых.

«Тьфу, – Барсуков сплюнул, – и чего я занимаюсь пустомыслием, чего нервничаю. Тоже не от большого ума. Вон батюшки, заполнившие страну, спокойны. Они знают: на всё боля божья. Может быть они и правы: что предписано судьбой, того не вырубишь топором.

МОЛИБДЕНОВЫЙ ШАРИК

Институт Кашина – это если кратко. Полное же название звучало так: НИИУнитаз им. Кашина. Понятно, что оба названия придуманные, фольклорные. Ими шутники наградили вполне приличное учреждение, которое официально называлось ПКТБ сантехнического оборудования.

Теперь понятно откуда выросло ироническое «НИИУнитаз». А, что касается личности тов. Кашина, то здесь нужно пояснение.

В 1874 году купец В. П. Кашин построил на берегу Камы Торговую баню с мужским, женским классами и с семейными номерами. Помывка в бане стоила 10 копеек, для солдат – 2 копейки. Баню сразу же называли Кашинской баней. Проработала баня более 100 лет. Особенно ей досталось в войну. Она с 1941 года являлась санпропускником для эвакуированных, прибывавших в Пермь.

В семидесятые годы Кашинскую бвню закрыли (сырость, грибок, износ оборудования), но разрушать не стали. Здание бани продезинфицировали, просушили, отремонтировали и разместили в нем коллектив ПКТБ сантехнического оборудования. Так появился Институт Кашина.

Барсуков заканчивал написание кандидатской диссертации по вихревым насосам. Данные насосы были слегка эксцентричны. Они работали по принципу центробежных, но при одинаковом диаметре рабочего колеса вихревые насосы создавали давление в 2,0—2,5 раза большее, чем центробежные. Это здорово, но плохо то, что вихревые насосы имели заметный недостаток – маленький коэффициент полезного действия. Вот Барсуков и решил разобраться с данным недостатком.

Все-таки нахал этот Барсуков: доктора наук не смогли решить вопрос с К. П. Д. насоса, а Барсуков взялся. Ну-ну, посмотрим.

Ох, и муторное же это дело писать диссертацию по технической тематике. И по физической – муторное, и по химической – тоже. Муторное, но нужное. А иначе, без развития точных то наук, с прогрессом будет затор. Не на гуманитариев же надеяться. Те за многовековую историю ничего полезного людям так и не выдали. Да и выдать не могли.

В связи с этим Барсуков пустился в мудрствования далекие от насосов:

«Например, написал Пушкин «Онегина» ну так и читайте роман, наслаждайтесь. Так нет. Наваливается рой ученых-пушкинистов и начинает в нем копать. Кому это нужно? Если вы такие умные, напишите что-нибудь лучшее, чем «Онегин». Вот это будет дело!

Или историки. Мозги мозолят: «Кто победил при Бородино?». А какое это имеет значение, когда русские вступили в Париж и заарестовали этого самого Буонопарте.

Про философов вообще говорить нечего. Шарлатаны типа церковников. Говорят, говорят, а что говорят – сами не понимают.»

Барсуков, разумеется, не считал, что его работа резко двинет науку вперед, но маленький камушек в фундамент её все-таки будет заложен. Поэтому, несмотря на трудности, он упорно продолжал заниматься диссертационными вопросами.

Барсуков уже разработал теоретическую часть, провел массу экспериментов на лабораторных установках, создал методаку расчета насосов. Оставалось изготовить пару полноразмерных агрегатов и провести их натурные испытания на заводском стенде.

«Оставалось изготовить». Насос – это вам не глиняный горшок, на коленке не слепишь. Здесь нужно поработать и умственно, и физически с использованием различных станков. Короче, сплошные трудности.

Тем не менее, Барсуков рассчитал два натуральных насоса, вычертил их детали, но возник вопрос: где разместить заказ на изготовление этих штукovin? На гиганты машиностроения, коими изобиловала Пермь, не сунешься. Кому нужно возиться с мелочёвкой? Да и денег для оплаты у училища нет. Вот тут-то ему и посоветовали обратиться в Институт Кашина.

Барсуков удивился:

– Откуда у этой сантехнической конторы производственные мощности?

– Эта, как ты говоришь, контора во времена Совнархозов входила в систему Тяжмаша и имела солидную производственную базу. Она её сохранила до сих пор, – отвечивал советчик.

– Ай! Все равно денег нет, – махнул рукой Барсуков.

– Не все упирается в деньги. В ПКТБ контингент очень интересный. Он ценит не только деньги. Вот я расскажу тебе пару баек.

У ведущего инженера Степанова был друг. Он жил в тайге на кордоне за Чусовой. Когда жена этого таежника уезжала надолго, он давал телеграмму Степанову и начинал гнать самогон. Получив желанную весточку, Степанов тотчас брал отгулы и отправлялся в путь. Сначала ехал на поезде, затем – на автобусе и наконец – на попутке. Оставшиеся 30 километров он шел пешком по просекам. Темнота его заставляла на полпути. Это его не волновало. Он устраивался на валежину и засыпал до утра. Когда его спрашивали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.